

Уроки классики Томской школы историографии и методологии истории

©Ивонин Ю. П.^{1,a}, ©Ивонина О. И.^{2,b}

¹Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

²Новосибирский государственный педагогический университет
г. Новосибирск, Российская Федерация

^ae-mail: ivonin@ngs.ru

^be-mail: ivonina@ngs.ru

Аннотация. Цель исследования. В статье исследуются различные объяснительные модели и классификации научных школ (НШ), принятые научным сообществом и закрепленные в официальных документах. Классическое науковедение делало акцент на структурных характеристиках НШ, особенностях ее генезиса, обусловленных характером исторического контекста и социальных условий, обеспечивающих производство школой достоверного научного знания. Позже социология и философия науки сосредоточились на изучении эволюции НШ как процесса смены ее парадигм и исследовательского инструментария. Постмодернистская парадигма научной школы отказалась от прежнего понимания НШ как особого рода реальности, уповая на эффективность виртуальных коллабораций, проектных и сетевых форм организации научных исследований. Актуальность изучения Томской историографической школы и ее места на карте современной науки определяется ее лидерством в так называемой «историографической революции», изменившей образ исторической науки и «ремесла историка». Источники и методология исследования. Для анализа эго-источников Томской историографической школы (далее ТИШ), использовалась методология междисциплинарного синтеза, объединившая исследовательские принципы социологии науки и схолярного подхода, что позволило выявить специфические черты ТИШ в системе современного исторического знания. Выводы. Результатом изучения возникновения и развития ТИШ, эволюции ее предметного поля, теоретических оснований и сформированных ею исторических концептов, стала предложенная авторами идентификация ТИШ как примера особой профессиональной культуры локального научного сообщества, нравственное кредо и гражданская позиция которого определяли исследовательские предпочтения и траекторию научного поиска ее членов. Эвристический и духовно-нравственный потенциал школы свидетельствует о жизнеспособности заданных ею классических стандартов академической культуры, их востребованностью современным научным сообществом. Оригинальная методология историографических исследований, разработанная представителями этой школы, представляется универсально значимой. Существенное обновление исследовательского инструментария постижения и понимания прошлого, предложенное томскими методологами, может быть использовано в современной практике изучения самых разных областей исторического знания.

Ключевые слова: Томская историографическая школа, схолярный подход, ремесло историка, методология истории.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ивонин Ю. П., Ивонина О. И. Уроки классики Томской школы историографии и методологии истории // *История и современное мировоззрение*. 2021. Т. 3. №2. С. 79-87. DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-2-79-87

CLASSICS LESSONS OF THE TOMSK SCHOOL OF HISTORIOGRAPHY AND METHODOLOGY OF HISTORY

©Yu. P. Ivonin^{1,a}, ©O. I. Ivonina^{2,b}

¹State Service Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

²Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

^ae-mail: ivonin@ngs.ru

^be-mail: ivonina@ngs.ru

Abstract. The purpose of research. The article analyzes different explanatory models and classifications of the «scientific school» concept as it is used in scientific community and in actual normative documents. It is stated that within the framework of classical methodology emphasis was placed on the structural characteristics of the scientific school, its specific genesis determined by historical context and social conditions that ensure the production of reliable scientific knowledge. Later sociology and philosophy of science focused on the study of the “scientific school” evolution as a process of changing its paradigms and research tools. The postmodern paradigm of the scientific school abandons its previous understanding as a special kind of reality, relying on the effectiveness of virtual collaborations, project and network forms of science. The relevance of the study of the Tomsk historiographic school and its place on the map of modern science is determined by its leadership in the so-called «historiographic revolution», which changed the image of historical science and the «craft of the historian. «Sources and research methodology. To analyze the ego-sources of the Tomsk Historiographic School (TIS), the methodology of interdisciplinary synthesis was used, combining the research principles of the sociology of science and the scholar approach, which made it possible to identify the specific features of TIS in the system of modern historical knowledge. Results. The result of the study of the emergence and development of TIS, the evolution of its subject field, theoretical foundations and the historical concepts formed by it, became the identification of TIS proposed by the authors as an example of a special professional culture of the local scientific community, whose moral credo and civic position determined the research preferences and the trajectory of scientific research of its members. Heuristic and spiritual and moral potential of the school shows its viability given the classical culture of academic standards, their demand for modern scientific community. The original methodology of historiographic research developed by representatives of this school seems to be universally significant. A significant update of the research tools for comprehending and understanding the past, proposed by Tomsk methodologists, can be used in modern practice of studying various areas of historical knowledge.

Key words: Tomsk historiographic school, scholar approach, historian's craft, methodology of history.

FOR CITATION: Ivonin Yu. P., Ivonina O. I. CLASSICS LESSONS OF THE TOMSK SCHOOL OF HISTORIOGRAPHY AND METHODOLOGY OF HISTORY // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2021. Vol. 3. №2. P. 79-87. (in Russ.) DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-2-79-87

ВВЕДЕНИЕ

Изучение авторами возникновения и развития ТИШ, эволюции ее предметного поля, теоретических оснований и сформированных ею исторических концептов, было вызвано стремлением выявить соотношение традиций и новаций, преемственности и разрывов в истории отечественной исторической мысли. Не менее важной задачей была попытка идентификации ТИШ как примера особой профессиональной культуры локального научного сообщества, нравственное кредо и гражданская позиция которого определяли ис-

следовательские предпочтения и траекторию научного поиска ее членов.

В КОТОРЫЙ РАЗ В «ШКОЛЬНЫЙ» КЛАСС

Полисемантизму понятия «научная школа» (далее – НШ) соответствует многообразие причин возобновления дискуссий о роли науки в современном российском обществе и социальном статусе представителей академического сообщества.

В рациональном дискурсе эпохи Модерна именно наука определяла вектор развития общества, а ученые обладали

непререкаемым авторитетом в силу их способности к познанию, объяснению и преобразованию мира на основе открытых ими законов развития природы, общества и человека. В зависимости от сложившихся национально-культурных традиций и характера социального заказа формировались различные типы научных школ как способа интеллектуального взаимодействия в рамках определенной организационной структуры.

В отечественном науковедении определенный консенсус относительно содержательного наполнения НШ был зафиксирован в коллективной монографии «Школы в науке». Ее авторам НШ представлялась особым типом *коллективного субъекта науки*, важнейшими функциями которого являются: научно-познавательная, образовательная, просветительская и воспитательная.

По мнению М.Г. Ярошевского, НШ служит инструментом «воспитания исследовательского стиля мышления, определенного способа подхода к проблемам» [26, с. 29].

Развивая данный тезис, НШ следует считать носителем своеобразного *этоса*, эффективной моделью не только научного поиска в предметной области, определяемой характером теоретико-методологических оснований и исследовательских практик, но и формой гражданского воспитания, трансляции мировоззренческих позиций, культурных норм и ценностей научного сообщества как внутри НШ (между разными поколениями), так и в публичном пространстве.

Важнейшим признаком НШ является наличие в ней *лидера*, обладающего высокой степенью компетентности и особыми личными качествами. Именно лидер способен задать вектор развития НШ, предметное поле ее деятельности, теоретические принципы и методологию научного поиска, характер научного дискурса и коммуникаций с коллегами – все то, что способно сделать НШ творческим коллективом единомышленников, пользующимся *всеобщим* авторитетом и признанием академического сообщества [26, с.169], [26, с.116-117], [26, с.252], [26, с. 310].

Эталонным признаком НШ следует считать ее *самоопределение* в пространстве предметных и парадигмальных полей современной науки. Идентификация НШ зачастую приводит к ее отождествлению с определенным направлением, теорией, концепцией, исследовательским подходом и дискурсивными практиками, присущими всем или большинству членов НШ. Привычной формой самоидентификации НШ является признание ее принадлежности к *формальному объединению*: научной или научно-образовательной организации национального / регионального / локального статуса (университету, институту, кафедре, факультету, научно-исследовательскому институту, исследовательскому центру, лаборатории).

При всей условности вышеперечисленных критериев НШ, все они в совокупности дают представление о ней как о *реальном* (а не виртуальном) научном сообществе. Следует согласиться с авторитетным исследователем схолярной проблематики Г.П. Мягковым, в том, что НШ – это *реальность особого рода*, представляющая исследовательский коллектив, группу, состоящую из ученых, работающих в одной предметной или предметной области, обладающих специализированной научной подготовкой, единых в понимании целей науки и обладающих способностью поддерживать устойчивые взаимодействия [1, с.140].

В современной России актуализация проблематики научных школ совпала с началом реализации Программы под-

держки ведущих научных школ и конкурсов на получение грантов Президента Российской Федерации ведущими научными школами страны. После 1996 года подавляющее большинство учебных и научных организаций страны декларируют наличие в них собственных научных школ.

В контексте традиционного представления о роли власти как главного субъекта российской модернизации, «комплексное» определение НШ было представлено в отчете одного из кураторов Программы А. Левина [12, с.151].

Ведущей научной школой объявлялась исторически сложившаяся в России форма совместной научной деятельности коллектива исследователей разного возраста и квалификации, руководимых признанным лидером, объединяемых общим направлением работ (выделено нами – О.И., Ю.И.), обеспечивающих эффективность процесса исследований и рост квалификации сотрудников.

Впоследствии понятие НШ де-юре и де-факто стало синонимом научного направления, и в инструктивных материалах Роснауки оно звучит следующим образом: «Ведущей научной школой Российской Федерации считается сложившийся коллектив исследователей различных возрастных групп и научной квалификации, связанных проведением исследований по общему научному направлению и объединенных совместной научной деятельностью, руководители которых на регулярной основе осуществляют подготовку кандидатов и докторов наук, тем самым формируя исследовательские группы, обеспечивающие развитие и рост результативности российской науки» [22].

Такое определение позволяло считать НШ *любой коллектив*, работающий над научным проектом, несмотря на очевидную аморфность понятия проектной деятельности. Несмотря на расплывчатость предложенного научной обществу определения НШ, признаки, которыми руководствовались распределители финансовых средств (РФФИ, РГНФ и другие) были предельно формализованы: обязательная поддержка молодых (до 33 лет) исследователей, и подготовка кадров.

Смещение акцентов в образе научного руководителя НШ с научного лидера на менеджера от науки объясняет высокую степень концентрации научных школ в Москве и Петербурге, в структурах РАН, высокую долю (до 30% и выше) ректорско-директорского корпуса в числе руководителей научных школ и членов экспертных советов.

Основными показателями результативности НШ стало число публикаций в ведущих научных журналах, число патентов, защищенных диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

По свидетельству экспертов из НИУ ВШЭ, Программа поддержки продемонстрировала главный дефект отечественных НШ – жестко заданные рамки организационной структуры, которые облегчают получение финансирования, но тормозят процессы развития, а потому, по мнению исследователей, «в современных условиях научная школа представляет собой искусственную конструкцию» [4, с.43-45].

Более того, в условиях глобализации и встраивания российской науки в мировую, ее институционализация в форме научных школ видится авторам явным анахронизмом, консервирующим сложившиеся формы организации научной деятельности.

Завершая свой вклад в размывание и без того традиционного широкого понятия НШ, авторы противопоставляют ему

более современные и эффективные инструменты подготовки мобильных научных кадров и новые *проектные и сетевые* формы организации исследований [4, с.51].

Представляется, что такой транзит отечественной истории науки от понимания НШ как реальности к постмодернистской парадигме научного сообщества как «невидимого колледжа» адекватно отражает:

- кризисное состояние российского общества и его социальных институтов, осуществляющих транзит от незавершенного Модерна к эпохе неопределенности, или «текущей Современности» в формулировке З. Баумана (liquid Contemporaгу);
- очевидную смену вектора социальной политики России, перешедшей от активной поддержки отечественной науки как основы социокультурной и интеллектуальной модернизации общества, к туманным рассуждениям о достаточности «символического капитала» для реализации учеными неведомых научной общественности проектов «невидимых колледжей»;
- разрыв преемственности определенной части академического сообщества с творческим наследием и традициями отечественных НШ как фактора прогрессивных социокультурных преобразований и воспроизводства интеллектуального капитала нации.

ТИПОЛОГИЯ НАУЧНЫХ ШКОЛ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В лексикон историков понятия научной школы и схолярного подхода вошли в конце XIX в. благодаря повороту отечественной гуманитарии к поиску теоретико-методологических оснований исторического знания в целом, осмысления профессионального инструментария и социальной значимости «ремесла историка», в частности.

Тезис Г. Риккерта об автономии исторической оценки от контента исторического нарратива стал импульсом формирования того, что впоследствии получило наименование «философии истории». Углубленная рефлексия историков над спецификой субъекта исторического познания, семантикой и ономастикой используемых ими понятий, социокультурным статусом исторической науки, характером интерпретации и репрезентации полученных результатов, – все это свидетельствовало о стремлении превратить историю из *Magistra vitae*, покровительствуемую музой Клио, в подлинную науку, обладающую собственной, только ей присущей, теорией и методологией.

В осмыслении схолярной проблематики советская историография (марксистская по своей идеологии и методологии) руководствовалась ленинской формулировкой принципа историзма. Позволю себе перечислить лишь базовые тезисы классика исторического материализма, сохраняющие эвристическую значимость и применительно к изучению возникновения и развития научных школ отечественной гуманитарии.

«Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривалось лишь (а) исторически; (б) лишь в связи с другими; (в) лишь в связи с конкретным опытом истории» [13, т.49, с.329].

«...Не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это

явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [13, т.39, с.67].

Уверенность мыслителя в способности историка к постижению истины базировалась на признании онтологической природы исторического факта: «факты, если взять их в целом, в их связи, не только «упрямая», и, безусловно, доказательная вещь». Следовательно, для получения достоверного знания, «необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения» [13, т.30, с.350].

Руководствуясь принципом историзма, сторонники схолярного подхода в советской историографии ставили целью: проследить *генезис* и последующую *эволюцию* исторической науки; определить специфику и основные этапы развития исторического знания; выявить социальную *значимость полученных результатов*.

Советская историография следовала ленинскому призыву в оценке роли НШ в развитии исторической науки – «судить о научных заслугах историков... не по тому, чего они не дали по сравнению с современным состоянием науки, а по тому, что они дали нового по сравнению со своими предшественниками» [13, т.2, с.178].

Приверженность принципу историзма объясняет и своеобразный гносеологический оптимизм отечественной историографии, ее уверенность в способности историков к созданию объективной картины прошлого. По мнению мэтра отечественной клиометрии академика И.Д. Ковальченко, «марксистский историзм не только позволяет широко, научно, последовательно и объективно подходить к объекту исторического познания и определять принципы, пути и основные звенья его изучения, но и обоснованно решать вопросы об объективности информационной основы исторического познания и *эффективности конкретных методов исторического исследования*» [11, с.90].

Возрастание интереса отечественных авторов к схолярной проблематике совпало с изменением статуса историографии. Из разряда вспомогательных дисциплин – синонима расширенной библиографии/историографического обзора, в обязательном порядке присутствующем в вводных разделах курсовых, дипломов, диссертаций и прочих «квалификационных работ» для облегчения навигации молодых исследователей в уже освоенном их предшественниками материале, историография превратилась в особую отрасль исторического знания – историю исторической науки.

Истоки такого понимания предмета историографии, нацеленной на изучение процесса институционализации и профессионализации исторического знания, и особой роли в этом процессе научно-исторических сообществ обнаруживаются в работах дореволюционных историков: А.С. Лаппо-Данилевского, Н.И. Кареева, Л.П. Карсавина.

Возрождение интереса к концептуальным построениям отечественной и зарубежной «философии истории» второй половины XX века стало импульсом взаимодействия историков с представителями смежных областей гуманитарии: социологии, науковедения, социальной философии, биографии.

Таким образом, в самосознании отечественной исторической науки понятие НШ в процессе взаимодействия предметных полей историографии и науковедения наполнялось новыми содержательными концептами, порождая стремление исследователей к созданию такой типологии НШ, которая учитывала бы максимальное число ее признаков.

Наиболее значимые результаты такого междисциплинарного синтеза были получены в исследованиях знаковых персоналий отечественной исторической науки. Научная биография и творческая индивидуальность историка, новаторский характер избранной им проблематики исследования представлялись значимыми именно в силу принадлежности ученого к определенному направлению или школе, определяющих пространство и время его «жизни в науке», характер профессиональных коммуникаций и исследовательского инструментария [5, с.250-265], [7].

Предварительными итогами «школьной» историографии на пути к выработке конвенциональной дефиниции НШ в исторической науке можно считать выявление следующих аспектов деятельности НШ как ее базовых, «школообразующих», признаков:

- взаимосвязь идейно-политических и мировоззренческих позиций представителей НШ с характером созданных ими исторических нарративов («скептическая школа», «государственная школа»);
- акцент на топонимической природе пространства научно-педагогической и просветительской деятельности членов НШ, их профессиональной культуре («московская», «петербургская», «томская», «омская» и т.д.);
- персональное измерение научного лидерства в рамках антропологического поворота современной историографии и науковедения («школа В.О. Ключевского», «школа В.И. Герье», «школа Н.И. Кареева»);
- специфика категориального аппарата и научного дискурса как системообразующем признаке НШ;
- характер генеалогий базовых концепций НШ, детерминированных интеллектуальным и историческим контекстом «времени историка»;
- степень признания результатов деятельности НШ академическим сообществом и общественным мнением;
- принадлежность представителей НШ к определенным предметным полям всеобщей/национальной истории (антиковеды, медиэвисты, новисты, специалисты по аграрной истории России);
- ассоциация представителей НШ с ведущими интеллектуальными традициями своего времени (Романтизм, Просвещение) и/или их научным наследием;
- приверженность НШ классическим/неклассическим направлениям научного познания (позитивизм, структурализм, конструктивизм, etc.);

Эволюция социальной функции и социального статуса НШ в пространстве и времени национальной и мировой науки.

Апелляция историков к социологическим и науковедческим теориям коммуникаций углубила представление о НШ как *оригинальном коммуникативном феномене*, призванном удовлетворять потребности научного общения и реализации творческих амбиций; самоидентификации членов НШ и широкого признания достигнутых ею результатов; новаторских прорывов и преемственности научных традиций; поддержания высоких стандартов научной культуры [24, с.13-15].

Таким образом, в результате изучения феномена НИШ отечественной историографии удалось создать *конвенциональную типологию НШ* в исторической науке, отражающую полный спектр признаков и детерминант их деятельности: характер интеллектуального и идейно-политического контекста, определивший структуру и границы предметного поля НШ; роль межшкольных и внутришкольных коммуни-

каций; степень устойчивости/ изменчивости проблематики и теоретико-методологических основ НИШ; специфику профессиональной культуры и научного лидерства.

Прикладное значение увлечения историков схолярной проблематикой проявилось в появлении новых субдисциплин и жанров в предметном поле исторической науки: интеллектуальной истории, интеллектуальной биографии, истории исторической науки, истории исторической мысли.

ТОМСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ПОПЫТКА ИДЕНТИФИКАЦИИ

Проблема идентификации Томской историографической школы (далее – ТИШ), ее генезиса и эволюции на протяжении второй половины XX – начала XXI вв. представляется особенно актуальной в ситуации «смены веков», переживаемой современной гуманитарией. Трансформация исторического знания «эпохи турбулентности» затронула все сферы «ремесла историка», предельно усложнив его самоидентификацию внутри и за пределами научного сообщества.

Радикальный характер отечественной историографической революции принято объяснять действием факторов внешнего порядка – политическими и социокультурными кризисами перестроечного и постперестроечного времени, предопределенными падением интереса к истории и кризисом доверия к деятельности профессиональных историков. Демонстративный разрыв отечественной историографии с марксистской версией историзма и ее базовыми категориями, сопровождался уверенностью в возможности преодоления кризиса исторической науки на путях методологического и институционального плюрализма. Казалось, что отказ от централизованной, иерархичной системы подготовки педагогических и научных кадров, свободный доступ к архивам и документам из прежде закрытых фондов всех желающих, социальный запрос на обретение «исторической правды» и многие другие приметы «переходного периода» обеспечат Истории прежнее место царицы гуманитарных наук.

Однако, надежды научного сообщества на победу Клио в конкурентной борьбе профессионалов и дилетантов на информационном поле «открытого общества» быстро сменились разочарованием. Граница между мифом и логосом в историческом сознании оказалась зыбкой, а запоздалое осознание глубины отчуждения между служителями Клио и массовой аудиторией окрасило размышления историков о социальном статусе и будущем своей дисциплины в мрачные тона.

В этой ситуации переживаемый мировой и отечественной исторической наукой кризис стал восприниматься как кризис ее теоретико-методологических оснований и исследовательского инструментария. Утрата прежней парадигмы истории привела научное сообщество историков к состоянию методологической и эпистемологической анархии, ревизии базовых интенций и социальной функции исторического знания. Принципиальное неприятие классической позитивистской методологии истории ослабило позиции служителей Клио в «боях за историю» по правилам и без таковых в условиях постмодернистского вызова отечественной и мировой гуманитарии.

Бесконечные «повороты» (лингвистического, антропологического, гендерного и иного характера) сопровождалась конкурентной борьбой разнообразных «оптик», исследовательских стратегий и дискурсивных практик за распределе-

ние и перераспределение не только «символического», но зачастую и вполне реального капитала исторического знания. Это способствовало фрагментации предметного поля истории, размыванию институциональных и нормативных (профессиональных) основ деятельности историков, а, в конечном счете, сомнению в познавательных возможностях и научной состоятельности истории.

В этой ситуации представляется целесообразным возвращение к анализу роли научных школ в формировании научно-педагогического, социокультурного ландшафта и психологического тонаса современной исторической науки с позиций неоклассической методологии – позитивизма, обогащенного эвристическими находками трансдисциплинарного синтеза.

Проблема учительства и ученичества, взаимодействия разных поколений учителей и учеников как фактора развития НШ занимает особое место в схолярной проблематике. Кого считать Учителем? – Того, кто «учил букве», а «укреплял дух»? В большинстве эго-источников учеников ТИШ подчеркивается равнозначность влияния школы в прямом смысле слова (лекций, спецсеминаров, индивидуальных консультаций) и непосредственного общения с Учителем в трудных ситуациях выбора личного и профессионального самоопределения [25, с.3-23], [21, с.5-14], [23, с.15-20], [10, с.3-18].

Насколько оправдана самоидентификация в качестве учеников тех, кто испытал на себе «магию таланта» лидера НШ опосредовано? Выскажем следующее предположение. Субъекты взаимодействия с предметным полем НШ (благодаря участию в организуемых ею научных конференциях, подготовке отзывов на диссертации и монографии ее членов); признанием научных идей и исследовательских приемов лидера НШ адекватными предмету и логике собственных размышлений, очевидно, могут считать себя ее ассоциированными членами, учениками «свободного университета», в котором разрешено свободное посещение занятий, а гибкая система оценок определяется степенью результативности взаимодействия учителя и ученика, общностью целей и задач НШ.

Несмотря на личную и формальную причастность одного из авторов к ТИШ в процессе обучения на историческом факультете ТГУ и докторантуре по кафедре истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории, роль летописцев ТИШ, либо создателей интеллектуальной биографии одного из ее лидеров – Б.Г. Могильницкого – не кажется нам продуктивной. Работ такого жанра, приуроченных к юбилеям научных лидеров ТИШ и исторического факультета ТГУ, вполне достаточно.

Адекватным способом исследования ТИШ в процессе навигации по карте исторической науки нам представляется анализ эго-источников ТИШ, отразивших многоплановый и глубокий характер ее профессиональной саморефлексии, самоидентификации в пространстве и времени ее бытования.

В условиях своеобразного «конца истории» ТИШ, обозначенного уходом из жизни профессоров Б.Г. Могильницкого (2014) и И.Ю. Николаевой (2015), представляется актуальным определить место школы на карте российской и мировой исторической науки. В решении этой задачи авторы руководствовались методологией трансдисциплинарного синтеза.

Специфика ТИШ определяется экзогенным характером ее генеалогии. Появление в Томске А.И. Данилова, выпускника МГУ, аспиранта одного из патриархов советской медиэвистики – А.И. Неусыхина, способствовало превращению ис-

торико-филологического факультета ТГУ в носителя классической традиции изучения и преподавания истории, входящей к академическим стандартам дореволюционной школы медиэвистики.

Эстафета преемственности российской школы медиэвистики на периферии мировой науки началась с формирования структурообразующих признаков ТИШ. Основой научно-педагогического пространства школы ее основатель считал университетскую лекцию как средство формирования исторического мышления. В этом он следовал примеру своего учителя, который, в свою очередь, продолжал традиции академической культуры, связанные с именами Д.М. Петрушевского, Т.Н. Грановского, Н.И. Кареева и других блестящих университетских профессоров России. Вот что сам А.И. Данилов писал о педагогическом мастерстве своего учителя: «Будучи предельно насыщенными по своему научному содержанию, убедительными и яркими, лекции А.И. Неусыхина, руководимые им занятия по своему значению для студентов далеко выходили за пределы изучения только средневековой истории. Они играли большую роль в формировании исторического мышления будущих преподавателей средней и высшей школы, в выработке столь важного в педагогическом труде историка умения раскрывать смысл исторических явлений и фактов, умения вести учащихся от исторических событий к историческим обобщениям как результату теоретического осмысления многоликой исторической действительности» [2, с.11-12].

Новаторская тематика лекционных курсов А.И. Данилова (годы его работы в ТГУ – 1947-1954, 1961-1967) по методологии истории и историографии всеобщей истории, не предусмотренная министерской программой подготовки специалистов-историков, открывала его ученикам путь в новую предметную область исторической науки¹.

Сформированный А.И. Даниловым культ ученого-педагога, для которого лекционный курс был не только способом трансляции знаний, но и формой самовыражения ученого, презентации его мировоззренческих позиций и результатов собственных творческих поисков, стал своеобразным брендом ТИШ. Именно из лекционных курсов представителей ТИШ выросли ее самые известные публикации, востребованные научным и педагогическим сообществом историков [18], [15], [6], [14], [17].

Первичными элементами профессиональной структуры ТИШ стала созданная А. Даниловым кафедра истории Древнего мира и Средних веков (сегодня – кафедра истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории) и спецсеминар. Новая специализация и академическая модель проведения семинарских занятий («в духе Л. Ранке» предьявляла высокие требования к уровню научной подготовки учеников. Наряду со знанием классической латыни и свободным владением иностранными языками, разнообразными приемами работы с источниками, широкой исторической эрудицией, способностью к самостоятельной работе, от учеников требовалась готовность к изучению творческого наследия и теоретических основ «другой науки» –

¹ Надо заметить, что в большинстве советских и современных вузов проблематика всеобщей истории, историографии всеобщей истории и тем более методологии истории, находилась и продолжает находиться на периферии университетского научно-образовательного пространства, отражая, тем самым, провинциализм отечественной системы университетского образования относительно общемировых трендов его развития.

немарксистской («буржуазной», по тогдашней терминологии) отечественной и зарубежной историографии. *Высокий порог входа в состав ТИШ*, требующий не только дополнительных затрат сил и времени, но и определенного свободного мышления, граничащего с научной смелостью, вполне осознавался как учителем, так и учениками.

В письме Неусыхину А.И. Данилов предполагал, что его ученики «...стонут и втайне, наверное, жалеют, что пошли ко мне специализироваться» [3, с.145].

Требование *соответствия высоким стандартам научности* станет своеобразным маркером принадлежности к ТИШ для студентов, аспирантов и докторантов кафедры, равно как и для желающих получить ее отзывы на результаты собственных исследований в области историографии всеобщей истории (диссертации, монографии, альманахи и т.д.)

Самой ТИШ *национальное и мировое признание* принесло издание ежегодника «Методологические и историографические вопросы исторической науки» (далее – МИВИН). Первое профильное издание такого рода стало источником «заражения» проблематикой историографии и методологии истории специалистов из других вузов и научно-исследовательских центров страны, локусом презентаций наиболее актуальных и дискуссионных исследований в этой области. Достаточно перечислить имена авторов МИВИНа, многие из которых создали собственные НИИ: А.С. Шофман, В.В. Иванов, Л.П. Репина, Г.П. Мягков, В.Д. Жигунин, В.В. Иванов, Н.И. Смоленский, И.И. Шарифжанов, Е.Б. Рашковский, Г.К. Садретдинов, Н.С. Черкасов, Л.Г. Сухотина и многие другие.

Номинация ТИШ и ее характерные черты впервые были обозначены польским методологом А.Ф. Грабским. Автор сделал акцент на «амбициозности» издания, отражающего состояние *интеллектуальной атмосферы*, господствующей в томском научном сообществе. Он отметил особое понимание томскими исследователями предмета историографии как «истории исторической мысли в ее разных, главным образом, общественно-политических и философско-идеологических условиях развития». По мнению А. Грабского, именно это делает ТИШ преемницей лучших традиций русских и советских историографических исследований [цит. по: 19, с.14].

Польский методолог высоко оценил *характер научного лидерства ТИШ*, демонстрирующей органичное сочетание широты изучаемой проблематики с доскональным знанием материала и тщательной проработкой источников. А. Грабский писал о ТИШ так: «Создается впечатление, что мы имеем дело с серьезной томской школой историков историографии, группирующейся вокруг известного исследователя и педагога, развивающейся в атмосфере добросовестной работы и творческой дискуссии в стремлении к возможно наилучшему изучению самых трудных проблем современной историографии» [цит. по: 19, с.14].

К почти исчерпывающему набору «школообразующих» признаков ТИШ, отмеченных польским методологом, хотелось бы добавить значение морально-психологического климата на ИФФ ТГУ послевоенной поры, сформировавших ту «интеллектуальную атмосферу» томского научного сообщества, которая так поразила зарубежного коллегу.

Создателями этой атмосферы энтузиазма, рыцарского отношения к науке, интеллектуальной свободы стало поколение вернувшихся с войны фронтовиков, пополнивших ряды сту-

дентов и преподавателей факультета. Экзистенциальный опыт пережитой войны придавал им особый заряд жизненной энергии, смелости, принципиального неконформизма, стремления к высоким идеалам. Этот «пафос жизнестроения», помноженный на образованность и талант, спасал от господствующего в отечественной гуманитарии догматизма [9, с.34].

Б.Г. Могильницкий не раз подчеркивал влияние «пассионариев» факультета, к числу которых принадлежал его учитель, А.И. Данилов, и старшие коллеги – И.М. Разгон, П.В. Копнин, А.А. Говорков, на формирование *моральных стандартов* собственного *научного исследования*: неприятия конъюнктуры, скоропалительных выводов, некритического следования моде на какие-либо «измы» [19, с.17].

Сформированное первым поколением «пассионариев» гражданско-нравственное начало, определяющее социальную значимость «ремесла историка» и его гносеологический оптимизм, станут отличительными чертами жизненно- и профессионального этоса ТИШ [16, с.5-12].

Возможно, именно это спасало томских историков от утраты профессиональной идентичности в условиях постмодернистского вызова и социокультурного кризиса, вселяя надежду на то, что «накопленный столетиями университетский потенциал способен отыскать возможность духовно-нравственного возрождения науки и всего общества» [20, с. 287].

Необходимо отметить и роль А.И. Данилова как талантливого организатора науки – заведующего кафедрой истории Древнего мира и Средних веков, декана ИФФ, ректора ТГУ, министра образования РСФСР, академика АПН СССР. Должность зав.кафедрой, декана исторического факультета, председателя Диссертационного Совета факультета после отъезда Данилова в Москву наследовал самый талантливый из его учеников – Б.Г. Могильницкий. В то время понятие «административного ресурса» не имело сегодняшней негативной коннотации, и можно предположить, что новому лидеру ТИШ не требовалось прибегать к использованию своего статуса для содействия карьерному росту своих учеников и грантовой поддержки научных проектов ТИШ.

Заслугой Б.Г. Могильницкого на посту декана (1968-1981 гг.) стала организация им регулярных *методологических семинаров*, быстро превратившихся в своеобразный институт повышения квалификации и свободный гражданский форум томской интеллектуальной элиты.

Остро дискуссионный характер был присущ тематике организуемых ТИШ конференций по проблемам методологии и историографии, участниками которых были такие мэтры отечественной науки, как: С.О. Шмидт, Д.М. Ковальченко, А.С. Шофман, А.И. Борозняк, Г.П. Мягков, Н.И. Данилевский, М.Г. Вандалковская, А.Д. Сахаров, Н.Н. Болховитинов, Л.П. Репина и многие другие. Традиция проведения конференций общенационального (а после 1991г. и международного) уровня стали формой апробации новаторских научных идей, их презентации широкому кругу научной общественности и последующей *легитимации в качестве базовых концептов ТИШ*. Обозначим среди них лишь те концептуальные меседжи ТИШ, которые прочно вошли в обиход современной исторической науки: *категории исторической памяти, альтернативности истории, исторического опыта, кризиса идентичности, историографической революции, междисциплинарного (методологического) синтеза*.

Обогащение функционала ТИШ новыми формами коммуникаций с представителями близких и дальних научных

сообществ, обсуждение в процессе такого полилога проблематики, созвучной направлению исследований Б.Г. Могильницкого и его учеников, привнесло существенные коррективы в образ школы, которую теперь все чаще стали именовать томской методологической школой и даже школой Могильницкого.

Важной характеристикой эффективности ТИШ надо считать ее способность к расширенному воспроизводству актуальной научной проблематики. Поражает эволюция исследовательских предпочтений ТИШ: от медиевистики и интеллектуальной биографии столпов немарксистской историографии² до разработки теоретико-методологических концептов и проблемной историографии [8], [6], [14].

ВЫВОДЫ

Итогом изучения ТИШ и ее места на карте исторической науки стало представление о ней как:

- преемнице лучших традиций национальной академической культуры, совмещающей в ремесле историка следование строгим стандартам научности, социальной и профессиональной ответственности;
- дуалистической по характеру предметной области исследований (историографии и методологии истории);
- инициатора создания инновационных и коммуникативных исследовательских практик, оригинальных исторических концепций;

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бурганова Л.А., Мягков Г.П. Образ научного сообщества: эволюция методологических репрезентаций // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С.139-146.
2. Данилов А.И. Неусыхин – историк-медиевист, ученый и педагог // Средние века. М., 1969. Вып. 32. С.4-12.
3. Данилов А.И. Письма А.И. Неусыхину. Публикация Л.Т. Мильской // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1986. Вып. 18. С.131-172.
4. Дежина И. Г. , Киселева В. В. Научные школы: интеллектуальная капитализация или стагнация? // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 1. С.43-51.
5. Зверева Г.И. Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 1999. № 1. С.250-265.
6. Историческая наука и историческое сознание. Томск, 2000. 234 с.
7. История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. 715 с.
8. К новому пониманию человека в истории: Очерки развития современной западной исторической мысли / Под ред. Б.Г. Могильницкого. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994; 226 с.
9. Канунова Ф.З. Слово об А.И. Данилове// Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск: Изд-во Том.ун-та,2007. Вып.28. с.33-36.
10. Кирсанова Е.С. Борису Георгиевичу Могильницкому – 75 лет // Борису Георгиевичу Могильницкому – 75 лет / Сост. и авт. вступ. ст. Е.С. Кирсанова. – Томск, 2003. С.3-18.

- устойчивым многопоколенным профессиональным сообществе;
- НШ лидерского типа;
- НШ, органически сочетающую в своей деятельности научно-познавательную, образовательную, просветительскую и воспитательную функцию;
- субъект научной революции, обогативший «ремесло историка» новым понятийно-категориальным аппаратом и способами постижения прошлого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использование методологии междисциплинарного синтеза, объединившей исследовательские принципы социологии науки и схолярного подхода, позволило выявить специфические черты Томской историографической школы в системе современного исторического знания.

Эвристический и духовно-нравственный потенциал школы свидетельствует о жизнеспособности заданных ею классических стандартов академической культуры, их востребованностью современным научным сообществом. Оригинальная методология историографических исследований, разработанная представителями этой школы, представляется универсально значимой. Существенное обновление исследовательского инструментария постижения и понимания прошлого, предложенное томскими методологами, может быть использовано в современной практике изучения самых разных областей исторического знания.

REFERENCES:

1. Burganova L.A., Myagkov G.P. The image of the scientific community: the evolution of methodological representations // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2017. № 2. Pp.139-146.
2. Danilov A.I. Neusykhin – historian-medievalist, scientist and teacher // Middle Ages. M., 1969. Vol. 32.Pp.4-12.
3. Danilov A.I. Letters from A.I. Neusykhin. Publication by L.T. Milskey // Methodological and historiographical questions of historical science. Tomsk, 1986. Vol. 18, Pp. 131-172.
4. Dezhina I. G., Kiseleva V. V. Scientific schools: intellectual capitalization or stagnation? // World Economy and International Relations. 2009. № 1. Pp.43-51.
5. Zvereva G.I. Addressing oneself: self-knowledge of professional historiography at the end of the 20th century // Dialogue with time. Almanach of Intellectual History. M., 1999. № 1. Pp.250-265.
6. Historical science and historical consciousness. Tomsk, 2000. 234 p.
7. History through personality: a historical biography today / Ed. L.P. Repina. M., 2005. 715 p.
8. Towards a New Understanding of Man in History: Essays on the Development of Contemporary Western Historical Thought / Ed. B.G. Mogilnitsky. Tomsk.1994. 226 p.
9. Kanunova F.Z. A word about A.I. Danilov // Methodological and historiographical questions of historical science. Tomsk, 2007. Vol. 28. Pp. 33-36.
10. Kirsanova E.S. Boris Georgievich Mogilnitsky is 75 years old // Boris Georgievich Mogilnitsky is 75 years old / Comp. and ed. entry Art. E.S. Kirsanova. Tomsk, 2003.Pp. 3-18.

² Д.М. Петрушевского, И.В. Лучицкого, П.Г. Виноградова, В.И. Герье, К. Лампрехта, Я. Буркхарда, Р. Коллингвуда, Г. Бокля, И. Дройзена, В. Дильтея, А. Тойнби, А. Токвиля, М. Блока, Т. Моммзена, Д. Тревьельяна, Й. Хейзинги, Ф. Ницше, Г. Зиммеля, Т. Карлейля, Ф. Броделя, Э. Фромма, И. Тэна, Н.А. Бердяева, П.Н. Савицкого.

11. Ковальченко И.Д. Марксистский историзм и его воплощение в современной советской исторической науке. Доклад и выступление на III коллоквиуме западногерманских и советских историков // И.Д. Ковальченко. Научные труды, письма, воспоминания (из личного архива академика): Сб. материалов / Составление, подготовка текста и примеч. Т.В. Ковальченко, Т.А. Кругловой, А.Е. Шикло. М., 2004.
12. Левин А.С. Итоги семилетнего функционирования программы поддержки ведущих научных школ и туманные перспективы ее дальнейшего существования / Акустика неоднородных сред. Сборник трудов семинара научной школы проф. С.А. Рыбака. М.: 2002. 186 с.
13. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1958-1965.
14. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы // Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. М., 2005. 192 с.
15. Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М., 1989. 175 с.
16. Могильницкий Б.Г. Историческое образование в Томском университете в диалектике макро- и микроподходов // Вестник Томского государственного университета. 2009. История №1(5). С.5-13.
17. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. I: Кризис историзма. Томск, 2001. 210 с.; Вып. II: Становление «новой исторической науки». Томск, 2003. 177 с.; Вып. III: Историкографическая революция. Томск, 2008. 553 с.
18. Могильницкий Б.Г. О природе исторического познания. Томск, 1978. 233 с.
19. Могильницкий Б.Г. У истоков Томской историографической школы. А.И. Данилов и проблема преемственности в отечественной историко-теоретической мысли XX века // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. Вып. 28. с.5-25.
20. Мягков Г.П., Чиглицев Е.А. Б.Г. Могильницкий: «...отыскать возможность духовно-нравственного возрождения науки и всего общества». Памяти выдающегося учёного // Ученые записки Казанского университета. Т. 156. кн. 3. Гуманитарные науки. 2014. С.283-289.
21. Николаева И.Ю. Борис Георгиевич Могильницкий: жизнь и судьба // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2014. № 47. С.5-14.
22. Пресс-центр Минобрнауки РФ. Новости // minobnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=22432
23. Рамазанов С.П. О педагогической деятельности Б.Г. Могильницкого // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2014. № 47. С.15-20.
24. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 559 с.
25. Хмылёв Л.Н., Николаева И.Ю. Учитель, который учит букве, а укрепляет дух // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. Вып. 25. С.3-23.
26. Школы в науке // Под ред. С. П. Микулинского, М. Г. Ярошевского, Г. Кребера, Г. Штейнера. М., 1977. 524 с.
11. Kovalchenko I. D. Marxist historicism and its embodiment in modern Soviet historical science. Report and speech at the III colloquium of West German and Soviet historians // I.D. Kovalchenko. Scientific works, letters, memoirs (from the personal archive of the academician) / Compilation, preparation of text and notes. T.V. Kovalchenko, T.A. Kruglova, A.E. Shiklo. – M., 2004.
12. Levin A.S. Results of the seven-year functioning of the program for supporting leading scientific schools and vague prospects for its further existence / Acoustics of heterogeneous media. Proceedings of the seminar of the scientific school of prof. S.A. Fisherman. – M.: 2002. 168 p.
13. Lenin V.I. Full collection op. 5th ed. M., 1958-1965.
14. Methodological synthesis: past, present, possible prospects / Ed. B.G. Mogilnitsky, I. Yu. Nikolaeva. – M., 2005. 192 p.
15. Mogilnitsky B.G. Introduction to the methodology of history. M., 1989. 175 p.
16. Mogilnitsky B.G. Historical education at Tomsk University in the dialectics of macro- and microapproaches // Bulletin of the Tomsk State University. 2009. History. № 1(5). Pp. 5-13.
17. Mogilnitskiy B.G. History of Historical Thought of the Twentieth Century: A Course of Lectures. Vol. I: The Crisis of Historicism. Tomsk, 2001. 210 p.; Vol. II: Formation of a «new historical science». Tomsk, 2003. 177 p.; Vol. III: The Historiographic Revolution. Tomsk, 2008. 553 p.
18. Mogilnitsky B.G. On the nature of historical knowledge. Tomsk, 1978. 233 p.
19. Mogilnitsky B.G. At the origins of the Tomsk historiographic school. A.I. Danilov and the problem of continuity in the national historical and theoretical thought of the twentieth century // Methodological and historiographical questions of historical science. Tomsk, 2007. Vol. 28. Pp. 5-25.
20. Myagkov G.P., Chiglintsev E.A. B.G. Mogilnitsky: «... to find the possibility of a spiritual and moral revival of science and the whole society.» In memory of an outstanding scientist // Scientific notes of Kazan University. Vol. 156. № 3. Humanities. 2014. Pp. 283-289.
21. Nikolaeva I.Yu. Boris Georgievich Mogilnitsky: Life and Fate // Dialogue with Time: Almanach of Intellectual History. M., 2014. № 47. P.5-14.
22. Press Center of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. News // minobnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=22432
23. Ramazanov S.P. About the pedagogical activity of B.G. Mogilnitsky // Dialogue with Time: Almanach of Intellectual History. M., 2014. № 47. Pp. 15-20.
24. Repina L.P. Historical science at the turn of the XX-XXI centuries: social theories and historiographic practice. M., 2011. 559 p.
25. Khmylev L.N., Nikolaeva I.Yu. The teacher who teaches the letter, but strengthens the spirit // Methodological and historiographical questions of historical science. Tomsk, 1999. Vol. 25. Pp. 3-23.
26. Schools in Science / Ed. S.R. Mikulinsky, M.G. Yaroshevsky, G. Kreber, G. Steiner. M., 1977. 524 p.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность – 73%.

Рецензент: В.И. Михайленко, профессор УрФУ

Статья поступила в редакцию 04.03.2021, принята к публикации 24.03.2021
The article was received on 04.03.2021, accepted for publication 24.03.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ивонин Юрий Перфильевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных основ государственной службы Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск, Российская Федерация, SPIN-код: 9940-3270, <http://orcid.org/0000-0002-3722-0109>; Author ID: 330267, e-mail: ivonin@ngs.ru

Ивонина Ольга Ивановна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск, Российская Федерация, <http://orcid.org/0000-0002-1953-0517>, SPIN-код: 8998-8383, Author ID: 225783, e-mail: ivonina@ngs.ru

ABOUT THE AUTHORS

Yuriy P. Ivonin, Dr.Sci (Philos.), Professor; professor of the Department of Humanitarian Foundations of the State Service Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation, SPIN-код: 9940-3270, <http://orcid.org/0000-0002-3722-0109>; Author ID: 330267, e-mail: ivonin@ngs.ru

Olga I. Ivonina, Dr.Sci (Hist.), Professor; Professor of the Department of General and National History, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, <http://orcid.org/0000-0002-1953-0517>, SPIN-код: 8998-8383, Author ID: 225783, e-mail: ivonina@ngs.ru